

РАСКАЗАЧИВАНИЮ НЕ БЫВАТЬ!

СПЕЦНАЗ НА ДОНУ, 1919



КОНСТАНТИН ГРАДОВ

Константин Градов

Расказачиванию не бывать!

<https://litres.ru/74022108>

SelfPub; 2026

Аннотация

Его убили в наше время. Он очнулся в 1919-м — в теле донского казака, в ночь, когда красные расстреляли половину его хутора по спискам.

У него память офицера спецназа и знание, чем всё кончится: Дон зальют кровью, Белое дело падёт, а казачество вырубят под корень. Один в чужом теле он эту лавину не остановит. Но лечь под нож по разнарядке — не из таких.

Шашка деда на стене. Земляки, готовые подняться. И один человек, который твёрдо решил: по спискам — не будет. Попаданческий боевик на Тихом Дону, где за каждый просчёт платят жизнью.

Содержание

Глава 1

4

Конец ознакомительного фрагмента.

6

Константин Градов

Расказачиванию не бывать!

Глава 1

Холод поднимался снизу, из самой мёрзлой земли, и был он первым, что вернулось ко мне из небытия, — холод, темнота да чьё-то тяжёлое, рваное дыхание у самого уха, в котором я не сразу признал своё собственное. Каждый вдох доставался с боем, словно на грудь навалили плужный лемех и забыли снять, и оттого грудь поднималась медленно, через силу, будто не хотела больше этой работы.

Я лежал лицом вниз, и снег, набившийся в рот и в ноздри, понемногу таял на щеке, а земля всё тянула из меня остатки тепла — неспешно, по-хозяйски, так, как тянет она его из всякого, кто залежался на ней дольше положенного и кто уже, по правде говоря, не встанет.

Встать. Эта мысль пришла раньше всех прочих, голая и рабочая, без лишних вопросов: сперва подняться, а после уже разбираться, кто ты таков и где тебя угораздило оказаться. Я упёрся ладонью в снег, приподнялся на локте — и замер, потому что ладонь, на которую я оперся, была чужая.

Широкая, с вьёвшейся в трещины землёй, с жёлтой ко-

стяной мозолью у большого пальца, это была рука человека, который сызмальства работал ею и держал в ней то вожжи, то черенок, то холодное железо. Моя рука была иной, и я ещё помнил её — суше, длиннее в пальцах, с белой ниточкой давнего шрама на третьей фаланге; но той руки больше не существовало нигде на свете, а была вот эта, и слушалась она меня так же покорно, как слушалась бы родная.

Память возвращалась не сразу и не вся, а проступала медленными ключьями, как изба проступает из утреннего тумана — сначала один угол, потом плетень, потом мало-помалу весь двор. Меня звали Степан, Степан Тихонович Беркутов, и был я с хутора Затонского, что в юрту станицы Вёшенской, и было мне двадцать четыре года, и над левой бровью у меня сидел старый осколочный рубец, оставшийся с германской, — рука сама нашла его и потёрла, прежде чем я успел об этом подумать. Чужая память отдавала мне эти вещи спокойно и без жалости, как отдают наследство покойника: бери, владей, ему всё одно уже ни к чему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.